

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

М. А. Полякова



СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ШКОЛЫ: ВАРИАЦИИ, БАЗОВЫЕ ПРИЗНАКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

УДК 37(091)
ББК 74.04(0)4

Основываясь на хронологическом подходе в структурировании исторического материала, автор выделяет узловые вопросы исследуемой проблемы, рассматривая античную школьную традицию с точки зрения зарождения и оформления константных черт школьного образования, а средневековые школы — с позиций их вариативности и корпоративности.

Ключевые слова: традиции античного образования; византийская культура; школьное образование в средневековье; университетские корпорации.

M. A. Polyakova

MEDIEVAL SCHOOLS: VARIATION, BASIC CHARACTERISTICS, PROSPECTS

Based on a chronological approach to the structuring of historical material, the author identifies the central issues of the problem considering the ancient school tradition from the point of view of the origin and design of constant characteristics of school education, and the medieval schools — from the standpoint of their variability and corporativity.

Key words: traditions of ancient education; Byzantine culture; schooling in the Middle Ages; the University Corporations.

¹ В статье представлен раздел монографии М. А. Поляковой «Становление базовых моделей школ в Западной Европе в XVI веке», поддержанной грантом РГНФ 15-0610121а. (Полякова М. А. Становление базовых моделей школ в Западной Европе в XVI веке: монография / под ред. Г. Б. Корнетова. Калуга: ИП Стрельцов И. А. (Издательство «Эйдос»), 2016. 272 с. (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып.101).

По мнению П. Ю. Уварова, традиционной формой образования в средние века было обучение не в школах, а в семье, причем реализовывалось оно практически во всех социальных слоях в соответствии со сложившимися обычаями. Даже «...паж в свите знатного сеньора считался его домашним [...], а ремесленник, бравший мальчика в ученье, обязывался быть к нему строгим, но справедливым, как к своему сыну»¹. В то же время, Ф. Камби в своих работах называет школу «продуктом Средневековья» и утверждает, что некоторые содержательные элементы современной школы восходят к этому времени². Подобный парадокс объясняется следующим образом: «образованные люди» средневековья или *клирики*, не имея семьи и ввиду сложности своей деятельности, предполагающей владение латынью и знание Священного Писания, должны были учиться вне семьи в специальных заведениях — *школах*. Отсюда непосредственная связь современных университетов, гимназий, школ с эпохой средневековья³.

Как «античный миф» развивался в период эллинизма, так и миф о «темных веках» сформировался непосредственно в эпоху Ренессанса и в общих чертах просуществовал до начала XX столетия, когда представители школы «Анналов» (М. Блок,

Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби) приступили к его развенчанию, в результате чего научному сообществу предстал совершенно новый мир средневековья, сложный и многогранный, со своими достижениями и проблемами⁴. То же касается и истории средневекового образования, неоднозначного и многослойного по своему характеру, сумевшего создать собственные институты, во многом действующие и сегодня. Действительно, следует признать, что традиционное отношение к «темным векам» как времени всеобщего невежества, по всей видимости, несколько преувеличено.

Так, например, Византийская империя — даже в рамках христианской парадигмы — продолжила *традиции античного образования*. На исходе Древнего мира епископ Кесарии Василий Великий (330–379) доказывал «...полезность чтения языческой литературы, которая, будучи тщательно отобрана и христиански интерпретирована, способна учить добру и облагораживать душу»⁵. В IX в. (855) в Константинополе была основана Магнаврская высшая школа (университет), где молодых людей учили медицине, философии, риторике и праву. Работавшие в ней учителя находились на государственном жаловании, т. е. система образования была под надзором светской власти⁶.

¹ Школа и образование на Западе в средние века // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах: Учебное пособие / Сост. и отв. ред. В. Г. Безрогов; Под общ. ред. Т. Н. Матулис. М., 19

² Школа и образование на Западе в средние века... С. 372-96. С. 371–391. С. 371.

³ Cambi F. Manuale di storia della pedagogia. P. 73.

⁴ Cambi F. Manuale di storia della pedagogia. P. 70.

⁵ Корнетов Г. Б. История педагогики за рубежом... С. 171.

⁶ Шмидт К. Указ. соч. Т. 2. С.87.

Важным моментом является то, что в Византии церковь официально признавала значимость светского образования, античного в своей основе, и считала его практически ценным для служебной карьеры. Также и школа никогда не носила там исключительно церковного характера. По всей видимости, именно такой подход к образованию и образованности обусловили более высокий уровень грамотности в Византии вплоть до XIII века в сравнении с другими странами Европы¹. Вероятно, подобное отношение к греческому наследию, без сомнения, идущее от отцов-каппа-докийцев и Александрийской школы², и сохранение греческого языка в Восточной Римской империи повлияли не только на характер христианской доктрины (в дальнейшем, православия), но и на организацию школьного дела по образцу поздней античности.

Школа в Византии была доступна всем слоям населения и имела три ступени: элементарная (*пропαιδεια*), средняя (*παιδεια*) и высшая³. В элементарной школе учились грамоте (чтению и письму), счету, пению и основам христианских знаний. В средней школе получали знания по грамматике, риторике, диалектике и поэтике. Кроме упомянутой Магнавской школы, в Византии существовало высшее учебное заведение — Аудиториум (*auditorium*), где изучались риторика, философия, право, греческая и латин-

ская грамматика⁴. На всех ступенях византийского образования изучались произведения древнегреческих авторов, а также труды отцов греческой церкви (например, Григория Богослова и Иоанна Златоуста). Основным учебником по грамматике являлись «Каноны» Феодосия Александрийского (VI в.), где приводились таблицы склонений существительных и спряжений глаголов.

Таким образом, в византийской школьной традиции очевидна сохраняющаяся в эпоху средневековья связь с античным опытом образования и организации школ. Несмотря на изолированность византийской культуры, связанную, прежде всего, с тем вариантом христианства, который здесь был выработан и утвердился в этой части Европы, и с использованием греческого языка, эта традиция была известна и сумела оказать большое влияние на развитие европейской культуры эпохи Возрождения и на становление российской педагогики⁵.

Латинский Запад пошел иным путем. Здесь педагогическая традиция, во многом опиравшаяся на пайдейю, точнее — на *humanitas* Аврелия Августина (354–430), приняла совершенно иные формы. Августин впитал в себя греко-римскую культуру, более того, как учитель риторки, он был ее проводником. В то же время он углубил античную философию за счет библейских традиций и теологии

¹ Корнетов Г. Б. История педагогики за рубежом... С. 172.

² Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. С. 115.

³ Корнетов Г. Б. История педагогики за рубежом... С. 173.

⁴ Там же. С. 173.

⁵ Корнетов Г. Б. История педагогики за рубежом... С.175–176.

первых христиан. Поэтому, а также вследствие собственного долгого пути к христианской вере, Августин пытался в своих произведениях логично связать разум и веру и выразил это в следующей убедительной формуле: «Вера помогает разуму, разум в свою очередь должен служить вере»¹. Его учение, по существу, наглядно представляет тот синтез, который произошел в западной культуре при столкновении античного мира с христианством и их взаимопроникновении.

Проблема образования в целом вписывается в этот контекст. Августин считал, что образование — это диалектический процесс, посредством которого человек познает собственную душу, так как только в себе самом он способен найти истину². Однако истина эта неабсолютна, ограничена таинством и может быть дана человеку только божественным Откровением. Это доктрина внутреннего учителя, которая связывает христианскую традицию с неоплатонизмом. И учитель этот — Христос как творец, жизнь и мысль вместе, начало всех вещей³. Со временем элемент божественного Откровения приобретал в учении Августина все большее значение, что указывает на его постепенный отход от античной традиции и формирование мистического понимания Христа.

Это объективно привело к сужению круга людей, способных овладеть знанием. На раннем этапе своего

развития средневековое образование западного (римско-католического) образца реализовалось в рамках монастырских и церковных школ. Можно было бы сказать, что история школьного образования завершила своеобразный цикл развития: от узко-профессионального обучения жрецов и писцов Древневосточных деспотий она прошла путь расширения круга учащихся и обобщения программы образования до общефилософских проблем (а также выработки артистического образования) в эллинистическую и римскую эпохи, чтобы под эгидой христианства вернуться с сугубо прагматическими целями к обучению лишь клириков. «В средневековом обществе сразу же можно увидеть коренной раскол: часть индивидов, но поистине ничтожная, обладает навыками, которые они приобрели в качестве профессиональных, потому что их “сословие” — это знающие люди, и они научились в школах читать и писать, чтобы нести слово Божье»⁴, — отмечал французский медиевист Р. Фоссье, подтверждая свои выводы многочисленными цифрами и фактами.

Однако монастырское (церковное) школьное образование эпохи Средневековья качественно отличается от древневосточного, оно вооружено парадигмой нового человека и обновляющей морали христианства, а также словом и *текстом*, причем сакрального характера. Греческая

¹ Цит по: *Il concetto di educazione nella filosofia medioevale*. URL: www.philosophicaonline.it.

² *Ibid.*

³ *Il concetto di educazione nella filosofia medioevale*.

⁴ *Фоссье Р.* Люди средневековья. С. 286.

культура, и тем более римская, тоже знали текст и стремились транслировать себя через него на просторах Средиземноморья в период его эллинизации и романизации, в этом смысле между античностью и средневековым наблюдался «...известный континуитет публичной и частной письменной культуры»¹, но то был иной текст, иной опыт, он не нес и не мог нести в себе Благою весть. Парадоксально, но, по всей видимости, особое отношение к тексту, его освящение и почитание западный мир воспринял именно с Востока — сначала от иудеев, затем через сакрализацию Нового Завета. Примечательны в этой связи некоторые ритуалы, закрепившиеся в западной культуре: «...целование Библии, помещение в могилу филактерии с молитвой и данными о личности усопшего — все это не просто знаки благочестия, это символ подчинения власти писаного слова, когда оно должно соприкасаться с вечностью»². Можно продолжить этот ряд, вспомнив клятвы на Библии или на Конституции, в чем явно прослеживаются отголоски полумистического неосознанного почитания письменного (затем — печатного) текста. В этом кроется кардинальное отличие средневековой культуры и образования как ее составляющего элемента от предыдущей эпохи, при этом и в восточно-греческой (православной), и в западно-латинской (католической) ее формах.

Использование христианской культурой текста как основного источника и транслятора знания иллюстрирует действительно ее *per excellentiam* универсально-понятийный характер или, по концепции В. И. Добренкова и В. Я. Нечаева, принадлежность к *универсально-понятийному социокоду*. Т. е. в ряду *типов культурного наследования* и средств легитимации образования речь идет о школе, и в таком контексте вывод Ф. Камби о средневековых истоках современной школы выглядит весьма обоснованным, так как главной целью обучения почти сразу стало научение читать и писать, т. е. работать с текстом. Как отмечалось (на примере концепции Мак-Люэна), большое значение в формировании западного самосознания и особенностей западного образования сыграло *буквенное письмо*, оно же обусловило определенный тип собственно *школьного образования*. Совершенно ясно, что *записанный текст* дольше сохраняется в неизменном виде, он может использоваться сколько угодно раз и в любое время, в любом месте, если он нанесен на объект, поддающийся переноске, им может (с определенной долей условности) пользоваться каждый, кто был в свое время обучен грамоте и тому языку, на котором сделана запись³. Без сомнения, «...письменность является одной из

¹ Воспитание и обучение на начальных этапах истории западно-христианской цивилизации. С. 442.

² Фоссье Р. Указ. соч. С. 288.

³ Воспитание и обучение на начальных этапах истории западно-христианской цивилизации. С. 441.

основ нашей цивилизации и ее системы обучения»¹.

Однако эта универсальность, внешняя доступность и изначальная *сакральность* (эзотеричность, индоктринальность) письменного текста для христианина породили и определенную ограниченность круга посвященных в «тайнства» письменности. В этом кроется глубокое противоречие в целом демократического по своему характеру христианства, призванного обновлять человека посредством образования, в то же время стремящегося сохранить собственную доктрину в рамках дозволенного (апостолом Павлом) минимума, донести который до основной массы верующих могло лишь небольшое число лиц. Христианизация Западной Европы (Византия — особый случай) стала основным фактором распространения *латинской письменности*, поддержкой чему явился кроме того интернациональный и космополитичный характер католического варианта христианства². Этот фактор также предопределил узость круга людей, способных и имеющих возможность научиться грамоте. Формирующиеся и распространяющиеся *феодалные отношения*, при которых опора на текст была не столь важна, «доверши-

ли картину»: применение письменности было ограничено сферой сакрального, будь то христианская религия и теология, либо божественная королевская власть³.

Итак, три существенных фактора: *сакральный характер текста, латинский язык и феодализм* — во многом повлияли на узость школьного (да и любого другого) образования в раннее Средневековье. Указанные факторы привели к тому, что центрами образованности или, по крайней мере, письменности в ранний период Средневековья стали монастыри и канцелярии духовных и светских правителей. Места, где переписывались книги, назывались *скрипториями*. Там же организовывалось и обучение, прежде всего, клира. Примечательно, что еще в более поздние времена (XII—XIII вв.), **но до изобретения** книгопечатания многим школярам приходилось составлять необходимую библиотеку собственноручным списыванием⁴. Монастыри привлекали к себе «клиентов», которым предлагалось усвоить семь свободных искусств и элементы догмы⁵. Школьное образование той эпохи было прагматичным, закрытым и корпоративным, оно практически не допускало обучение лиц, не входящих в данную институ-

¹ Там же.

² Воспитание и обучение на начальных этапах истории западно-христианской цивилизации. С. 443.

³ Там же.

⁴ Бахтин В. В. Школьная жизнь в Париже XII века // Средневековый быт: сборник статей / под ред. проф. О. А. Добиаш-Рожественской, А. И. Хоментовской и Г. П. Федотова. Л., 1925. С. 206–232. С. 224.

⁵ Фоссье Р. Указ. соч. С. 300.

циональную структуру¹. А школа, по сути, скорее напоминала ремесленную мастерскую со своими правилами и иерархией, а не образовательное учреждение современного типа.

Наличие *места учебы* и практики в этой связи представляется весьма важным. Р. Фоссье утверждает, что в этом кроется коренное отличие сред-невековой школы от античной². Другое отличие средневековой школы — это все же ее *церковный (или религиозный) характер*. В капитулярии Карла Великого 789 года (*Admonitio generalis*) предписывалось открывать школы в каждом приходе для мирян и клириков от семи до двенадцати лет, однако, как большинство распоряжений того времени, оно не имело практического эффекта, и действительные новшества коснулись лишь церковных школ³. Главным итогом реформ каролингской эпохи, проводившихся ученым и богословом Алкуином (735—804), стало то, что школа и образование в целом окончательно перешли

в руки церкви⁴. Подобная ситуация продлится все Средневековье и долго спустя⁵.

Обстановка начинает несколько меняться в XII веке, что обусловлено рядом причин: от пробуждения и развития городов до усложнения самой социальной жизни (и в ее рамках церкви). Христианская доктрина классического Средневековья существенно отличается от ранней. К XII столетию уже канула в Лету героическая эра Боэция и Кассиодора (V—VI вв.), а также каролингская эпоха Алкуина и Эриугены (IX в.), **начала формироваться схоластика**, имеющая общие генетические и этимологические корни со школой, более того, даже производная от нее⁶.

Схоластика как форма средневекового богословия и метод познания Бога и мира, а также как *путь воспитания и обучения* складывалась постепенно. Ее расцвет и окончательное оформление в теологическую доктрину приходится на XIII век и

¹ Воспитание и обучение на начальных этапах истории западно-христианской цивилизации. С. 452.

² Фоссье Р. Указ. соч. С. 299.

³ Фоссье Р. Указ. соч. С. 300; Воспитание и обучение на начальных этапах истории западно-христианской цивилизации. С. 451.

⁴ Фоссье Р. Указ. соч. С. 300. О роли каролингской эпохи в формировании религиозно-го характера средневековой школы пишут также В. Г. Безрогов и О. И. Варьяш (См.: Бог, мир и человек в средневековой педагогике (предисловие) // Антология педагогической мысли христианского Средневековья: В двух томах. Т. II. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / Сост., ст. к разделам и коммент. В. Г. Безрогова и О. И. Варьяш. М., 1994. С. 5—16. С. 6).

⁵ Воспитание и обучение на начальных этапах истории западно-христианской цивилизации. С. 449.

⁶ Согласно этимологическим словарям, *схоластика* происходит именно от *школа* и означает ученое собеседование, диспут, лекция (Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов, 2004); 'участие в духовных семинарах' (Dizionario etimologico online).

связаны с именем одного из «учителей церкви» Фомы Аквинского (1225/26—1274), который подытожил теологически-рационалистические поиски схоластов, направленные на выработку вероучения в формах здравого смысла в своих основных трудах «Сумма теологии» и «Сумма против язычников»¹. Рациональность христианского богословия была систематизирована и доказана на основе идей и методов Аристотеля, который тем самым был признан «философом из философов» и основоположником богословского мышления. В этой связи можно говорить о тесной связи схоластики с античным наследием в лице Аристотеля.

В практике обучения схоластика выработала блестящий инструментарий познания и доказательства — *дедуктивную логику* (опять же почерпнутую из трудов Аристотеля), которая стала ведущим способом обучения и воспитания в средневековой педагогике. «Схоластическая дедукция удивительно хорошо вписалась в христианскую картину мира. Пронизанность мира божественным единством в сочетании с его иерархической структурой позволяла применять логику; в свою очередь с ее помощью из отдельных элементов бытия возводилось цельное здание мира»².

Тем самым схоластика отразила, с одной стороны, стремление зарождающегося научного знания (пусть даже в лице теологии) к рационализации, с другой — определила пути дальнейшего развития образовательных институтов. Схоластика явилась «... стимулятором оригинальной мысли, подчиненной однако, законам разума, вплоть до Декарта, Канта и т. д.»³. Насущной задачей церковной жизни становится подготовка интеллектуалов, способных заниматься разработкой теологических вопросов, осуществлять правовую защиту интересов церкви и административные функции⁴. Важным фактором развития схоластического образования является также то, что люди, получившие достойное образование в церковных школах, делаются востребованными в различных сферах светской жизни, в том числе — в административном аппарате средневековых государей⁵.

Школьное образование X— начала XII веков было замкнутым на самом себе, осуществлялось преимущественно монахами⁶. Пробуждение городской жизни и оживление городского предпринимательства способствовали, с одной стороны, расширению круга людей, нуждающихся и стремившихся к знаниям и, с другой — изменению самой образовательной

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 742–743.

² Бог, мир и человек в средневековой педагогике (Предисловие). С. 9.

³ Cambi F. Manuale di storia della pedagogia. P. 87.

⁴ Воспитание и обучение на начальных этапах истории западно-христианской цивилизации. С. 452.

⁵ Там же. С. 452.

⁶ Фоссье Р. Указ. соч. С. 301.

программы. С XII века именно города, а не монастыри становятся центрами культуры и образования¹. Культурная и социальная ситуация «возрождения XII века» породила феномен высокого образования в лице университетов и вызвала к жизни значительное увеличение числа школ, находившихся под контролем местных епископов.

Появление и развитие университетов связаны с укреплением социальных позиций горожан, которые нуждались в отвечавшем их жизненным потребностям образовании. Несмотря на то что университетское образование вышло из церковного и во многом сохранило его черты, оно носило более светский характер и отвечало нуждам зарождавшейся буржуазии. Как утверждал В. В. Бахтин, «...ядром, вокруг которого располагался школьный мир, и которое его к себе притягивало, была, естественно, старая соборная школа. Но не она создала Университет²[...] Он создавался множеством отдельных, выдающихся и менее значительных учителей, все в большей массе собиравшихся сюда. [...] То, что нами именуется Университетом, складывалось, таким образом, из отдельных, разной величины, ячеек. Каждая такая ячейка состояла из учителя и его учеников»³. Т. е, университет представлял собой «разновидность ремесленной корпорации», сообщество учителей и

учеников (*universitas magistrorum et scholarium*), сплоченную группу, обладавшую статутом и постоянным руководящим составом⁴. По мнению П. Ю. Уварова, «...от школ XII века университеты отличались своей жесткой структурой, корпоративным устройством»⁵. Они образовывали единую систему (статутов и программ). Все эти признаки принципиально важны для выявления характерных черт и своего рода базовых признаков средневековой, а значит, и западной школы.

Кроме того, эти корпорации были самоуправляемы, имели собственную финансовую и юридическую систему⁶. Попадавшие на факультет свободных искусств люди объединялись в землячества, так называемые «нации», которые возглавлялись ректором и главной задачей которых была защита интересов своих членов. Подобная взаимная поддержка, несомненно, была одним из видов средневековой корпоративности. Благодаря университетскому образованию, в Европе появился новый слой людей, живущих преимущественно за счет умственного труда — средневековая интеллигенция. Университеты сформировали особую культуру, христианскую по содержанию, но сочетавшую в себе высочайшую самооценку, рационализм, склонность к анализу проблем и цитированию авторитетных авторов⁷.

¹ Корнетов Г. Б. История педагогики за рубежом... С. 186.

² Речь идет о Парижском университете.

³ Бахтин В. В. Школьная жизнь в Париже XII века. С. 214–215.

⁴ Фоссье Р. Указ. соч. С. 302.

⁵ Школа и образование на Западе в средние века. С. 384.

⁶ Корнетов Г. Б. История педагогики за рубежом... С. 186.

⁷ Там же. С. 189.

Возвращаясь к проблеме *епископских школ*, следует отметить, что их отличительной чертой была доступность для всех желающих и способных заплатить за это необходимую сумму¹. Отныне число школ быстро увеличивается, кроме того, растет многообразие вновь открывающихся школ: частные школы, школы городских гильдий, элементарные школы (певческие и хоровые) и др.

Особый интерес в этой связи представляют *городские школы*, во многом явившиеся предвестниками народных школ эпохи Реформации. Примечательно, что часто подобные школы открывались именно в Германии, их основной целью было обучение детей городской верхушки (бюргерства и купечества) письму и счету, а позднее — составлению деловых бумаг на немецком языке². Факты открытия школ, где родной язык теснил латынь, отмечаются также и в других странах³. Начало преподавания на родном языке примечательно в том смысле, что свидетельствует о возникновении в Европе этнически сравнительно единых систем образований, учитывающих экономические связи и обладающих некой культурной общностью. Кроме того, открытие школ с преподаванием на родном языке знаменует собой начало распа-

да общеевропейского образовательного единства и развитие в дальнейшем национальных педагогических учений и школ. Однако в указанный период, а точнее — в XIII—XIV веках — процесс этот только зарождается.

Городские школы и университеты, во многом развившиеся параллельно с ними и на их базе, представляли собой вариант образования, скорее, светского, сутобо городского, своего рода разновидность «ремесленной корпорации» (по мнению Р. Фоссье). Но средневековая система образования сохраняла еще особый тип — *школы братьев общей жизни*⁴, во многом напоминающие монастырские школы, но открытые для более широкого круга лиц: бедняков обоих полов⁵.

Таким образом, можно видеть, что в период классического (или высокого) Средневековья в Европе складываются несколько типов школ, а также несколько ступеней образования. *Во-первых*, сохранялись монастырские школы, в свою очередь подразделявшиеся на внутренние (*scholae interiores*), где занимались подготовкой клира; и внешние (*scholae exteriores*), которые располагались вне монастыря и предназначались для обучения мирян, как правило, вне зависимости от сословной их принадлежности. С

¹ Воспитание и обучение на начальных этапах истории западно-христианской цивилизации. С. 453.

² Таценко Т. Н. Реформация и начальное образование в немецких городах XVI века. С. 128.

³ Корнетов Г. Б. История педагогики за рубежом... С. 186.

⁴ Братства общей жизни (*Fratres communis vitae*), возникшие во второй половине XIV века, оказывали первостепенное влияние на образование молодежи, прежде всего, в Нидерландах (Шмидт К. Указ. соч. Т. 2. С. 308).

⁵ Шмидт К. Указ. соч. Т. 2. С. 310.

появлением и развитием монашеских орденов появились также элементарные школы, например, сначала — бенедиктинцев, затем — доминиканцев и францисканцев, располагающиеся непосредственно в городах. Сюда же можно отнести школы подготовки певчих для хоров в капеллах Богородицы. Подобные факты относятся к XIII веку и связаны с подъемом городов и распространением культа Девы Марии.

Во-вторых, опять же по причине расцвета городской жизни, при соборах в крупных городах появились соборные (кафедральные) школы, в которых обучали клириков, но там готовили также лиц для светской службы. Распространению этих школ способствовали постановления церковных соборов 1179 и 1215 гг. Эти школы давали сначала элементарное образование, затем дисциплины тривиума или тривиума с квадривиумом, т. е. полное *артистическое образование*. Это было шагом на пути преобразования подобных школ в *Studia generalia* или университеты, как это получилось в Болонье, Париже, Оксфорде, Монпелье и других городах. В Англии такие учебные заведения также назывались *грамматическими школами*.

В италийских коммунах (Милане, Брешии, Флоренции) и германских имперских городах (Любеке, Гамбурге, Штеттинге, Лейпциге, Браун-швей-

ге) за период XII—XV веков открылась масса городских школ, основной задачей которых было обучение в основном бюргерского населения письму и счету, что было необходимо для ведения торговых дел¹. Как отмечалось, обучение в этих школах велось на родном языке и порой они не включали в свою программу религиозного воспитания, чем вызывали недовольство клира и магистрата².

В-третьих, со второй половины XIV столетия фиксируются также школы братьев общей жизни или братские школы. Родоначальником братства, в дальнейшем — школы, был Гергард Гроот (1304—1384), основавший в Девентере (Нидерланды) общину по апостольскому образцу. Эта школа сочетала в себе черты философско-аскетических союзов древних греков и иудеев³. Так как целью братства было распространение практической христианской жизни (в первоначальном ее понимании), братья привлекали к себе молодое поколение, обучая его не только Священному Писанию и основам христианской жизни, но также чтению, письму, пению и латыни. Постепенно подобные общины распространились и в других городах, где были очень популярны. Примечательно, что наряду с мужскими школами общей жизни действовали также и женские. Многие известные деятели Северного Возрождения (Эразм Роттердамский, Николай

¹ Шмидт К. Указ. соч. Т. 2. С. 289—290. Т. Н. Таценко упоминает названия таких школ в Германии — *Schreib- und Rechenschulen*, то есть, «письмо и счет». (Таценко Т. Н. Указ. соч. С. 128.)

² Таценко Т. Н. Указ. соч. С. 128.

³ Шмидт К. Указ. соч. Т. 2. С. 309.

Кузанский) получили образование именно в таких братствах.

Кроме указанных типов школ, в средние века складываются и закрепляются основные ступени образования. Практически все перечисленные школы давали *элементарное образование*, причем с **XII века достаточно** широким слоям населения (исключение составлял самый многочисленный класс средневекового общества — крестьянство). Также в любом из типов школ, кроме немецких школ письма и счета, где обучение велось на немецком языке, можно было получить *повышенное образование*, включавшее в себя, как правило, *тривиум*, а порой и *квадривиум*. Подобное образование, однако, получали далеко не все, а только те, кто в дальнейшем планировал связать свою судьбу с духовной службой или с **XII века продолжить** обучение в университете. Обучение в таких школах велось обычно на латинском языке, поэтому они часто назывались латинскими. Наконец, университет или «прекрасное дитя» средневековья давал *высшее образование*. Важно отметить, что эта форма учебного заведения на первых порах развилась собственно из соборной школы и представляла из себя сначала

корпорацию учителей и учеников. Принципиальным отличием университета от других школ было право присваивать признававшиеся во всем христианском мире степени, главная из которых (*Licencia ubique docendi*) позволяла ее обладателю преподавать повсюду¹.

Не вдаваясь в подробности характеристики школьных программ, учебников и методов обучения в ту эпоху², следует отметить, что в целом минимум обучения был достаточно постоянен, включая в себя основы грамотности, основы христианской веры, семь свободных искусств. Разнообразие в программе обучения появляется лишь с распространением университетского образования и позже, с развитием наук и искусств. Что касается учебников, то их, без сомнения, было очень мало в допечатный период. Однако уже Боэций (V—VI вв.) разработал учебники по всем «семи свободным искусствам», которые использовались вплоть до XIII века³. Также были известны грамматики Катона (предположительно IV в.) и Доната (IV в.), читали учащиеся и церковных авторов⁴. Основными методами обучения были чтение, заучивание наизусть (запоминание), в университетах — лекции и диспуты⁵.

¹ Корнетов Г. Б. История педагогики за рубежом... С. 186.

² Подробнее о программе обучения, методике и учебной литературе средневековья см.: Воспитание и обучение на начальных этапах истории западно-христианской цивилизации. С. 168–189.; Шмидт К. Указ. соч. Т. 2. Ф. Камби также уделяет этим проблемам видное место в своем учебнике (*Cambi F. Manuale di storia della pedagogia*).

³ Корнетов Г. Б. История педагогики за рубежом... С. 179.

⁴ Шмидт К. Указ. соч. Т. 2. С. 152–153.

⁵ Подробнее о диспуте как «форме научного творчества» в Парижском университете см.: Бахтин В. В. Школьная жизнь в Париже XII века. С. 224–231.

Средневековье, склонное к символике и символизму, сохранило определенную тягу в системе образования в лице закрепления в управлении университетами и школами иерархической структуры мира и общества к выучиванию и воспроизведению образцов в методике обучения.

Не стоит забывать, что за пределами в целом организованного образования большая часть населения средневекового Запада использовала иные его способы: частное (или домашнее) обучение (например, знатных особ или принцев); рыцарское и папское воспитание; обучение ремеслу. Примечательным является тот факт, что, несмотря на способ обучения, средневековая система образования выработала четкие регламенты и правила его получения. Речь идет как о школьных (монастырских, ремесленных) уставах, так и о рыцарском кодексе. Эта попытка формализации процесса образования сохранится в западной культуре, достигнув своего полного оформления именно в период Реформации и Контрреформации.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что в средние века действительно появляется западная школа с рядом присущих только ей характеристик:

— **школа — это, прежде всего, социальный институт**, пусть даже в рамках неких церковных структур (монастырские и соборные школы);

— **школа, как правило, имеет постоянное место**, даже если это городская площадь, используемая для публичных лекций и диспутов;

— **школа, как любой социальный**

институт, обладает определенными правилами, регламентами поведения, распорядка дня и т. д., что порой закреплено в *статутах* или *уставах*;

— **школа является средством легитимации** образования в средневековом обществе;

— **школа охватывает весьма широкие слои населения** (городского);

— **школа имеет определенную программу обучения**, а также особый инструментарий;

— **школа представляет собой относительно устойчивую постоянную группу учеников и учителя**.

Последний момент особенно важен, потому что он отражает все же некоторые нюансы, которые имеют место в теоретическом обосновании типологии культурного наследования В. И. Добренкова и В. Я. Нечаева. С одной стороны, мы говорим именно о школе, т. е. об *универсально-понятийном социокоде*, и нет сомнения, что примеры средневековых школ, описанных выше, действительно соответствуют универсальному (или стремящемуся к универсальности) характеру образования в ту эпоху и теоретизации знания на уровне формирования и использования понятий (универсалий). В то же время корпоративность и замкнутость средневекового школьного образования, связанная с его религиозным и даже церковным характером, особенно на ранних этапах развития европейского общества, скорее, говорит в пользу его принадлежности *профессионально-именному социокоду*. Деятельность монашеских и соборных школ очень напоминает функционирование ремес-

ленных мастерских с уставами, регламентами, строгой иерархией. Формула «Никто не может быть студентом в Париже, кто не имеет определенного учителя»¹ также подтверждает этот вывод. Действительно, поначалу в университетах практиковалось обучение не столько конкретным наукам, сколько у определенного профессора. Так, неоднократно в окружении верных учеников в Париже появлялся Пьер Абеляр. Его оппонент Гийом де Шампо поступал аналогично. При этом ученики следовали за учителями повсюду² и делили с ними успех и опалу.

Возможно, подобные отношения объясняются тем идеалом, который подспудно управлял христианским миром в лице Христа и его учеников — апостолов. Дело в том, что учитель в средние века часто был не только профессором, но и наставником жизни³. Вероятно, тесная связь учителя и ученика идет из более старых времен, из практики греческих софистов, Сократа и его учеников, и это не уровень школьного образования, а вариант ученичества.

В средневековой образовательной системе, прежде всего — в университетской традиции — можно заметить также признаки *лично-именного социокода* в форме своеобразной *инициации* — *имматрикуляции*, что означало «принятие в члены университетской корпорации» или в студенты⁴. Интересно, что некий аналог подоб-

ного действия сохраняется и сегодня — посвящение в студенты, а родной университет (или более широко — вуз) порой называют *Almamater*.

Скорее всего, в средние века мы все же имеем дело со школой, что подтверждается признаками, указанными выше. Вероятно, в тот период формирование образовательных институтов носит еще не слишком устойчивый характер, что и отразилось в наличии у школы черт корпоративности, сильных признаков ученичества, общинности в целом. Ну и, наконец, быть может, близкая связь учителя и ученика, тем более, когда круг этих учеников все же относительно узок, является нормальной в межлических отношениях, тем более на стадии действительно корпоративного социального общества.

Так или иначе, средневековая школа представляет собой полноценный образовательный институт общества с наличием совершенно определенных *базовых признаков* (место обучения, программа, дихотомия «учитель-ученик» и др.), большинством из которых обладают и современные школы. Это школа, где вырабатывались и, наконец, оформились определенные методы работы, например, с текстом (словом), что является отличительным признаком западной культуры и что в дальнейшем способствовало новому витку в истории школьного образования. Речь в данном случае идет о *книгопечатании*.

¹ Бахтин В. В. Школьная жизнь в Париже XII века. С. 215.

² Там же. С. 216–217.

³ Бахтин В. В. Школьная жизнь в Париже XII века. С. 218–219.

⁴ Школа и образование на Западе в средние века. С. 384.

Список литературы

1. *Cambi, F.* Manuale di storia della pedagogia / F. Cambi. — Roma-Bari. Laterza. 2009.

2. Антология педагогической мысли христианского средневековья : [Перевод / Сост., вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Безрогова, О. И. Варьяш]. — М. : АО «Аспект-пресс», 1994. Т. 1: В Христе сокрыты все сокровища премудрости : Путь христиан. образования в тр. Отцов Церкви и мыслителей раннего средневековья. — М. : АО «Аспект-пресс». — 399 с.

3. *Бахтин, В. В.* Школьная жизнь в Париже XII века / В. В. Бахтин // Средневековый быт: сборник статей / под ред. проф. О. А. Добиаш-Рожественской, А. И. Хоментовской и Г. П. Федотова. — Л. : Время, 1925. — 279 с.

4. *Йегер, В.* Пайдейя: воспитание античного грека: в 3-т. / В. Йегер ; пер. с нем. М. Н. Ботвинника. — М. : Греко-лат. кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. — Т. 2. — 574 с.

5. *Корнетов, Г. Б.* История педагогики за рубежом с древнейших времен до начала XXI века : монография / Г. Б. Корнетов. — М. : АСОУ, 2013. — 435 с.

6. *Таценко, Т. Н.* Реформация и начальное образование в немецких городах XVI века / Т. Н. Таценко // Городская

культура. Средневековье и начало нового времени / под ред. член.-кор. АН СССР В. И. Рутенбурга — Л. : Наука, 1986. — 24 с.

7. **Философский энциклопедический словарь** / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. — М. : Сов. энциклопедия, 1983. — 839 с.

8. *Фоссье, Р.* Люди Средневековья / Р. Фоссье ; с фр. А. Ю. Карачинского. — СПб. : Евразия, 2010. — 350 с.

9. **Школа и образование на Западе в средние века** // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах: Учебное пособие / Сост. и отв. ред. В. Г. Безрогов; под общ. ред. Т. Н. Матулис. — М. : РОУ, 1996. — 96 с.

10. *Шмидт, К.* История педагогики Карла Шмидта, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов : С портр. Карла Шмидта, с его биогр. и предисл. Фридриха Диттеса. Т. 2. - 4-е изд., знач. доп. и испр. на основании изуч. новейших источников Фридрихом Диттесом и Эмануилом Ганнаком, [дир. пед. ин-та в Вене]. — М. : К. Т. Солдатенков, 1890. — 592 с.